

ДУХОВНОСТЬ КАК ОСНОВАНИЕ ЦЕЛОСТНОСТИ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА

Рассматривается проблема целостного познания личности преступника с позиции субъективной духовности. Цель данной работы - расширить предмет изучения личности преступника путем включения в исследование ценностно-смыслового содержания личности. Преступление понимается как духовное противоречие вследствие смысловой абсолютизации. Раскрывается генезис преступного духа через связь «свобода - смысл - страсть - сенсуальность - страх».

Человек - это больше, чем психика, человек - это дух.

В. Франкл [1]

В современной криминалистике по-прежнему господствующей является био-психосоциальная модель личности преступника, когда преступник познается через набор социальных, психических и биологических признаков. Такая модель, являясь описательной и оценочной, не удовлетворяет научным требованиям абстрагирования и обобщения и не может быть признана целостной. Более подробно недостатки современной методики познания личности преступника изложены в [2. С. 282-286]. Описывать личность по данному набору свойств и качеств мы можем сколь угодно долго, при этом каждый раз наделяя то или иное свойство новым смыслом. Но так мы никогда не выйдем на сущностные основы личности преступника и преступного поведения. Личность как микрокосм требует ее рассмотрения не в качестве объекта и части окружающего мира, а в качестве субъекта и универсального целого. Необходим целостный взгляд на личность преступника. Однако здесь мы сталкиваемся с парадоксом целостного изучения личности преступника в криминалистике: с одной стороны, сама формулировка «личность преступника» располагает к фрагментарности познания личности применительно к совершенному преступлению и его расследованию; с другой стороны, криминалистика должна стремиться к изучению этой «нецелостности» как целостности. Здесь и далее мы не будем вдаваться в проблему корректности использования выражения «личность преступника», а примем его как вербально-устоявшееся. Действительно, только философия дает максимально целостный взгляд на человека. Но философия непосредственно не исследует феномен преступления и преступника. Другие же антропологические науки делят эту целостность на части, которые каждая из наук провозглашает целостностью. И криминалистика в этом смысле не исключение.

Каким же образом приспособить целостный подход к нецелостному явлению? Очевидно, что целостность в нашем исследовании будет являться научно ограниченной, т.е. пропущенной через предмет и цель науки криминалистики. При этом целостность в данной работе будет выступать в двух смыслах: как метод познания личности преступника; как состояние непреступной духовности. Принципами разрабатываемого целостного подхода являются системность взамен описательности, абстрактность против эмпиризма и интеграция вместо дифференциации. Целостность как метод - это познание явлений реальности, не разделенных границами. С научной точки зрения такой тип познания предполагает синтез имеющихся знаний о человеке и выход на междисциплинарную парадигму личности преступника. Для достижения этих целей требуется системообразующий критерий, который перевел бы разрозненный информационный массив о человеке в единство. В качестве такого критерия мы берем субъективную духовность.

Деление духа на субъективный, объективный и абсолютный было осуществлено в диалектике Гегеля. Под субъективным духом Гегель понимал форму отношения человека к самому себе. Предметом данной работы является преимущественно субъективный дух. Поэтому когда в настоящем тексте встречаются слова «дух», «духовность», речь идет о субъективном аспекте [3. Т. 3. С. 32]. Все разрозненные свойства личности: психические (сознательные, бессознательные), социальные, биологические, объединяются категорией духовности. Духовность есть первооснова всех их по той причине, что имеет индивидуальное (ценности личности) и социальное (культура) измерения. Духовность станет тем основанием, на базе которого мы предпримем попытку синтезировать антропологические знания философии, психологии, трансперсональной психологии, социологии, религиоведения, системного анализа и ряда других наук и направлений с криминалистикой для выработки целостного представления о личности преступника, которое, с одной стороны, свяжет воедино биологическое, социальное и психическое в нем, а с другой стороны, откроет путь к сущности преступного поведения. И это вполне закономерный момент, ибо истина и полнота исследования всегда бывают на стыке знаний. А криминалистика всегда следовала этому принципу, зарождаясь и развиваясь как диффузия (взаимопроникновение) знаний. Однако задача осложняется тем, что в современной культуре накоплен огромный опыт о человеке. Как образно отмечает испанский философ Ортега-и-Гассет, это знание подобно горе, на вершину которой взбирается всякий, кто посвятил себя разгадке «тайны человека». Но когда он достигает высшей точки, с которой можно обозреть жизнь, «ему, пожалуй, остается лишь умолкнуть. Ведь столько всего надо сказать, что слова рвутся наружу наперебой, и душат, и мешают говорить» [4. С. 20].

В настоящее время процесс дифференциации наук зашел настолько далеко, что в этой ситуации простое механическое объединение знаний о человеке окажется бессистемным, противоречивым, бессмысленным и бесполезным. Необходим выход на максимально абстрактные, обобщенные категории, которые при этом синтезировали бы антропологические знания наук гуманитарного и естественного циклов. Нужно обнаружить такие сущностные образования личности, которые связали в единую структуру всю совокупность черт, обнаруженных при исследовании личности на эмпирическом уровне [2. С. 294]. Поэтому в центр исследования поставлена именно духовность, а не сама личность преступника.

Духовность обладает аккумулятивным свойством объединять знания различного уровня, чего не может обеспечить личность преступника, предмет которой изначально ограничен. Без введения духовного измерения мы тщетно и бесконечно будем проводить границы на субъекте престу-

пления, «разрезать» его на части, порождая лишь противоположности и как следствие конфликты между ними, каждый раз скатываясь к биологическому, социальному или психическому в человеке. Но человек есть нечто большее, чем существо разумное; животное, использующее орудия труда; творение Бога; игра сил бессознательного или результат сложившихся общественных отношений. Целостность личности предполагает ее духовную природу.

Уголовный закон своим учением о вменяемости и вине как необходимым основании ответственности фактически обязывает исследовать духовный мир преступника. Важно подчеркнуть, что феномен вменяемости не является вопросом медицинским или психологическим, а сугубо правовым. Психиатры и психологи могут установить психическое расстройство или наличие изменений состояния сознания, но решение о вменяемости принимается юристами. Само понятие «духовность» существует издревле, поэтому наполняется различным содержанием. Слова «дух», «духовность» принято употреблять в очень широком, всеобъемлющем смысле. Прежде всего, применяют слово «дух» к разным коллективам. Говорят о духе народа, профессии, войска, семьи, эпохи, века и т.п. Одни рассматривают духовность как служение высшей цели (идеи). Кто-то отождествляет ее с нравственностью и ее проявлениями в форме добра, сострадания. Другие видят в духовности сугубо религиозное содержание. Но все это лишь ее отдельные аспекты. В результате многие категорически отказываются даже ставить на один уровень духовность и преступление, считая, что духовность - качество избранных высокоразвитых людей, к коим преступник отнесен быть не может. В настоящей статье преступление будет рассмотрено как противоречие духа в его крайности, но не утрата личностью духовности, подобно тому как физическое заболевание есть нарушение целостности организма, но не потеря человеком здоровья или тела вообще. Далее мы покажем, что духовность присуща каждому индивидууму безотносительно к его социальным, психическим или биологическим характеристикам.

Этимология слова «духовность» связана со словом «дуть», или буквально «вдувать жизнь» [5,6]. Говоря другими словами, духовность есть первооснова личности, ее сущность, ее внутренний мир. Содержание понятия духовности всегда было растлывчагым. Пытаясь дать рациональное определение духовности, мыслители сталкивались с затруднениями, поскольку по своему содержанию духовность выходит за пределы одного лишь разумного. Н.А. Бердяев, наиболее яркий представитель русской философии духа, утверждал следующее: «О духе нельзя выработать понятия. Но можно уловить признаки духа. Можно сказать, что такими признаками духа являются - свобода, смысл, творческая активность, целостность, любовь, ценность, обращение к высшему божественному миру и единение с ним» [6. С. 51]. Гегель в своей «Философии духа» тоже не дает логического определения духа, а лишь перечисляет его свойства, главным из которых также является свобода [3. Т. 3. С. 25]. Однако считаем, что если существует явление, фиксируемое словом, и известны его признаки, дать определение не только возможно, но и нужно.

В своем исследовании мы будем рассматривать духовность как универсальное ценностно-смысловое содержание личности, объединяющее волю к смыслу и свободе [7]. При этом духовность будет рассматриваться

нами не как обобщенная абстракция, а как самостоятельная универсальная реальность, детерминирующая поведение личности. Духовность, со слов Э. Фромма, «это сфера глубинных жизненных смыслов, потаенных стимулов, определяющих образ жизни и стиль поведения каждого человека» [8. С. 354-355]. Критерии смысла и свобода - главные регуляторы человеческого поведения. Человек живет в пространстве смысла, «экзистенциальный вакуум» [9. С. 63] исключает его свободу и разрушает его личность. «Человеку нужна система координат, некая карга его природного и социального мира, без которой он может заблудиться...» [8. С. 302].

В юридической литературе, в соответствии с требованием Уголовного закона, при изучении смыслов преступного поведения используется психологический термин «мотив» как побудительный стимул к действию. На наш взгляд, такое положение не способствует целостному пониманию личности преступника в криминалистике по следующим причинам.

Во-первых, понятие «мотив» отражает уголовно-правовой аспект познания личности преступника, который ограничивается вопросами квалификации преступления и назначения наказания. Криминалистика же, работая внутри процесса, призвана взять картину шире, ответить на вопрос, почему данный мотив возникает и каким образом он проявляется в преступном поведении. Мотив фиксирует лишь вершину (внешнее проявление) смысла, не затрагивая его основания. Другими словами, мотив отвечает на вопрос «зачем?», а смысл отвечает на вопрос «почему?».

Во-вторых, учение о мотиве, несмотря на детальную проработку механизма его формирования, не проясняет вопроса, почему действие одинаковых мотивов не всех людей приводит к преступному поведению.

В-третьих, использование одних лишь данных психологии при решении вопроса, почему человек совершил преступление, является поверхностным. «Смысловая сфера личности» [10] является самостоятельным измерением и не испытывает детерминирующего воздействия со стороны психологических, биологических и социальных факторов, а напротив, сама оказывает влияние на последние. В. Франкл именует данную реальность «ноэтическим измерением» [9. С. 49-53]. «Множественность определений смысла, - пишет психолог Д.А. Леонтьев, ученый, серьезно занимающийся проблемой смысла, - одинаково убедительных и одинаково эвристичных, наводит на предположение, что за понятием смысла скрывается не конкретная психологическая структура, допускающая однозначную дефиницию, а сложная и многогранная реальность, принимающая различные формы и проявляющаяся в различных психологических эффектах» [11]. Мотив же - это одно из множества частных проявлений смысла наряду с потребностью, интересом, желанием, страстью, мечтой, целью и пр.

Мостом между смыслом и личностью являются ценности как «сухой остаток» пережитых событий биологического, социального и психического порядка в виде заинтересованности, избирательности и значимости для человека отдельных объектов, явлений и процессов. Следовательно, в отличие от смысла, ценности не являются самостоятельной конструкцией в духовном измерении че-

ловека и детерминированы биологическими, социальными и психическими факторами. Так возникает двуединый процесс - ценности, единожды возникнув как результат работы биологического, социального и психического в человеке, начинают строить смысл, который становится независимой от названных факторов детерминантой поведения личности. Сформированный смысл становится устойчивым к биологическому, социальному или психическому воздействию; лишь в результате самостоятельной духовной работы человек в силах его изменить. Отбрасывая смыслы и ценности, в свою очередь, складываются в мировоззрение личности. Смысл, ценности, мировоззрение, а, следовательно, и духовность присущи каждому индивидууму, даже если человек отрицает наличие у него таковых. Без них человек бы просто не смог существовать: если индивидуум типично реагирует на определенные ситуации, защищает свою позицию и опровергает противоположные, это уже есть проявление его духовной сущности. Любая деятельность невозможна без наличия смысла. Иначе бы мы вообще не смогли объяснить, почему по утрам встаем с постели и, далее, почему продолжаем жить.

Сформированный смысл становится основой для определения масштаба внутренней и внешней свободы. Это происходит благодаря тому, что смысловые конструкты, определяющие его поведение, относительно изолированы от психических, социальных, биологических детерминант. При этом прослеживается закономерность — чем выше уровень смысла, тем шире степень свободы. Например, если смысл индивидуума укоренен в материальном благополучии, его свобода будет выражаться в возможности владеть, пользоваться и распоряжаться как можно большим количеством вещей; если его смысл перемещен на управленческую деятельность, его свобода будет реализовываться при осуществлении властных полномочий различного уровня; если смысл индивидуума установлен на взаимодействии с людьми, свобода будет связана с широким кругом общения, дружбой, семьей и пр. Позитивное право как социальная детерминанта в целях обеспечения общего блага вынуждено ограничивать внешнюю свободу человека. Внутреннюю свободу современная правовая культура совершенно справедливо провозглашает неприкосновенной. Но именно в недрах внутренней (духовной) свободы зарождаются противоречия, которые при определенной степени эскалации находят выражение в преступном поведении. Свобода является почвой для формирования и развития противоречий, поскольку свобода всегда возможна «от другого», что предполагает выбор как минимум между двумя противоположными вариантами. «Другое, отрицание (*das Negative*), противоречие, раздвоение, — пишет Гегель, — все это принадлежит, следовательно, к природе духа» [3. Т. 3. С. 25-26].

Итак, сущностью человеческой духовности является ее двуполарность и, как следствие, противоречивость. Возьмите любую смысловую категорию духовности и вы без труда отыщите ей противоположную пару: «любовь - апатия», «милосердие - гнев», «смирение - гордость», «вера - тщеславие», «надежда - безысходность», «щедрость - алчность», «справедливость - зависть», «коллективизм - индивидуализм», «истина - ложь», «свобода - страх». Поэтому духовный мир всегда ставит человека перед выбором, т.е. перед реализацией какого-то смысла.

Философски все духовные антонимы предстают соответственно как «созидание и разрушение». В нравственном понимании эти противоположности именуются «добром и злом». С позиции диалектического учения духовные полюсы представляют собой «тезис и антитезис». Эта пограничность человеческой духовности является и ее порочностью. «В этом раздвоении содержится возможность страдания», — считает Гегель [3. Т. 3. С. 26]. Аналогичное утверждение находим у Н.А. Бердяева: «Дуализм, в котором живет человек в этом мире, и есть источник неисчислимых страданий. Переживание страдания противоположно переживанию целостности. Нарушение целостности и гармонии с миром и вызывает страдание» [6. С. 105]. На наш взгляд, преступление как духовное противоречие предстает одним из объективированных видов этого страдания. Преступление поэтому не извне приходит в общество, как воображают многие, а потенциально существует в недрах субъективного духа. Но это также не позволяет нам говорить о неизбежности совершения преступления и закономерности существования преступности. Истинное понимание состоит в том, что человеческая жизнь носит в себе зародыш как созидательного, так и деструктивного поведения. Какой из них получит развитие — это уже зависит от самого человека. И в этом смысле преступник есть существо, «заболевшее своим духом» [4. С. 325]. Далее будет показано, каким образом формируется преступный дух.

В обыденном сознании считается, что добро — это хорошо, зло — плохо. Но с позиции диалектики оказывается, что крайность добра ничуть не лучше, чем крайность зла. Диалектический закон гласит, что реальность никогда не ограничивается одним аспектом, а стремится к другому — прямо противоположному [3. Т. 1. С. 202]. Проведение границ предполагает возникновение противоположностей, что обуславливает закономерный конфликт между ними (закон борьбы и единства противоположностей) [3. Т. 1. С. 276-278, 281]. Вопрос «Где проводить границу?» на самом деле означает «Где будет происходить битва противоположностей?» [12. С. 46]. Мир противоположностей становится миром борьбы. Сама этимология слова «преступление» производна от слова «преступить», т.е. выйти за проведенные границы, и не только права, но и духа. Категория преступления возникает на пути борьбы духовной пары «созидание - деструкция». Преступление как общественно-опасное деяние характеризуется причинением вреда или угрозой его причинения, т.е., говоря другими словами, разрушением созданного. Следует отметить, что связка «созидание - разрушение» выступает при познании личности преступника как родовое понятие. Они могут проявляться в самых различных формах. По смыслу уголовного закона разрушение (деструкция) находит выражение в агрессии, корысти, мести, экспансии, обмане, а также в их различном сочетании. Качество созидания может выражаться в сочувствии, смирении, любви, альтруизме, ответственности и пр.

Философскому понятию «деструкция» в психологическом плане корреспондирует термин «агрессия». Агрессия — вид поведения, мотивированный намерением причинить вред. В физико-биологическом смысле агрессию можно представить как деструктивную энергию, направленную на различные объекты. Поскольку духовное проявляется в области психики, агрессия есть

психическое проявление деструктивности. Однако не следует отождествлять понятия деструкции и агрессии. Слово «агрессия» многозначно и может выступать в различных смыслах: как преступное нападение, как правомерная защита от нападения, наконец, как всякое целеустремленное поведение. Но очевидно, что природа агрессии, исходящая от лица, защищающегося от разбойного нападения, не тождественна агрессии нападающего на него разбойника, а тем более агрессии торговца, активно продвигающего свой товар на рынок. Действительно, в основе всякой агрессии лежит активность, но ее мотивы и объекты различны. Это хорошо понимал Э. Фромм, наиболее видный исследователь феномена деструктивности, выделяя два типа агрессии: а) доброкачественную агрессию; б) злокачественную агрессию (собственно деструктивность) [8. С. 33]. Доброкачественная агрессия генетически заложена в человеке и выступает как инстинкт, а именно импульс к атаке в ситуации, когда возникает угроза жизни. Эта оборонительная агрессия служит делу выживания индивида и рода и затухает, как только исчезает опасность. В УК данному типу агрессии соответствует институт необходимой обороны [13. Ст. 37]. Данный тип агрессии характерен как для человека, так и для животного. Злокачественная же агрессия свойственна только человеку и не имеет биологической цели. Она не представляет собой генетическую программу, а является результатом работы преступного духа, который порождает борьбу страстей. Если инстинкт есть ответ на физиологические потребности, то страсть - на экзистенциальные потребности. Страсть вовсе не обеспечивает физического выживания, но не менее стойка и глубока, нежели инстинкт. Так, к типу злокачественной агрессии относится агрессивность из мести, которая представляет собой ответную реакцию индивида на несправедливость, которая принесла страдания ему или кому-либо из членов его группы. Такая реакция отличается от доброкачественной оборонительной агрессии тем, что возникает уже после того, как причинен вред, и потому о защите от грозящей опасности уже говорить поздно. В Уголовном кодексе данному типу агрессии соответствует институт превышения пределов необходимой обороны [13. Ст. 108, 114], а также обстоятельство, смягчающее наказание, - «противоправность или аморальность поведения потерпевшего, явившегося поводом для преступления» [13. Ст. 61, п. «з»].

Итак, делаем вывод, что деструкции в психическом плане соответствует злокачественная агрессия. Однако нас интересует не просто деструкция, а именно деструкция преступного характера. Поэтому мы вынуждены идти дальше в анализе злокачественной агрессии. Для этого воспользуемся данными психоанализа, позволяющими проследить динамику человеческой агрессивности. Согласно аналитической психологии существует две формы или два «механизма», с помощью которых человек может управлять деструктивной энергией: подавлять ее (агрессия направлена на себя); вытеснять ее (агрессия направлена вовне). Данный выбор делается в зависимости от отношения субъекта к себе и окружающему миру. Негативное отношение к себе располагает к внутренней злокачественной агрессии, а негативное отношение к окружающему миру ведет к внешней злокачественной агрес-

сии. Первое отношение открывает путь к различным формам самоуничтожения личности: ретризм, суицид, депрессия, неумение организовать и ценить свою жизнь, трудовой фанатизм, инфантилизм и пр. Во втором случае негативное психическое содержание проецируется на окружающий мир в виде раздражительности, приступов гнева даже при незначительном поводе, что создает основу для преступного поведения. Агрессия, направленная на другого человека, становится почвой для насильственных преступлений против личности. Но этим внешняя агрессия не исчерпывается. «Можно ли считать, что убийства и самоубийства исчерпывают феномен человеческой деструктивности? - спрашивает Л.В. Кондратюк, и отвечает: - Скорее оба феномена являются проявлением деструктивности в отношении лишь частного "объекта" - человеческой жизни, поскольку имеется множество других видов агрессии» [14. С. 41]. Так, злокачественная внешняя агрессия, ориентированная на вещи, образует желания, что становится источником корыстных преступлений. При этом направленность деструктивной энергии не является стабильной. Ее динамика может меняться. Так, внутренняя злокачественная агрессия может усилием воли или под воздействием объективных обстоятельств трансформироваться во внешнюю, равно как внешняя во внутреннюю. Тем не менее только внешняя злокачественная агрессия является отправным началом преступного поведения.

На основе проведенного анализа агрессии можно сделать вывод, что преступная деструктивность тождественна злокачественной агрессии внешнего характера. Деструкция (злокачественная агрессия внешнего характера) становится над историческим релятивизмом определения того, что в той или иной цивилизации, в ту или иную эпоху называли, называют и будут называть преступлением.

Какова же онтология преступного духа? Генезис преступного духа зиждется на связи, которую я называю цепью пяти «с»: «свобода - смысл - страсть - чувственность - страх». По функциональному назначению звеньям этой цепи соответствуют понятия: «цель - средство - абсолютизация - состояние - последствие». Как уже отмечалось, главной направляющей человеческой духовности является стремление к смыслу и расширению масштаба внутренней и внешней свободы. В результате внутреннее пространство личности заполняется различными духовными ценностями, которые создают смысл и дают определенный масштаб свободы. Но в то же самое время в силу биполярности духовности в человеке формируются экзистенциальные противоречия, которые приводят к нарушению его целостности. Дело в том, что выбор одного из смысловых духовных полюсов априори будет неверным, поскольку поставит человека по ту сторону другого смыслового духовного полюса. Но если человек становится на один полюс духовности, он закономерно утрачивает связь с другим и создает условия для «войны» между этими полюсами (закон борьбы и единства противоположностей). Тем не менее человек вынужден выбирать, чтобы каким-то образом придать смысл своей жизни и поведению. В итоге решение проблемы духовного выбора происходит путем проведения пограничной линии между тем, что выбрать, и тем, чего не выбирать. Каждая прове-

денная граница на уровне духовности сужает внутреннюю свободу личности, поскольку личность начинает отдавать предпочтение (привязываться) одной из противоположностей, тем самым отождествляя себя с ней. Идентификация себя с определенными духовными смыслами дает установку действовать в соответствии с ними. Так, духовные смыслы, будучи абсолютизированными, превращаются в страсти и влечения, которые формируют то, что в психологии принято называть акцентуациями, т.е. наиболее ярко выраженными психическими свойствами. Страсть, по Гегелю, выступает актом «вложения всего жизненного интереса своего духа в единое содержание» [3. Т. 3. С. 320]. Страсти и влечения становятся составной частью смысловой сферы. Мы уже установили, что главной характеристикой смыслового измерения является самостоятельность и независимость от иных сфер духовной жизни, а также от биологического, социального и психического влияния. В этой связи и страсти приобретают признаки смысла. Страсть становится изолированной автономной духовной сферой, заключающей в себе значимость и безудержное стремление обладать объектами и явлениями, необходимость в которых продиктована абсолютизированным смыслом. Эти автономные образования начинают вести самостоятельное существование в духовной системе, нарушая тем самым ее целостность. Страсть является болезнью, поражающей смысловую сферу личности. Именно эти присущие человеку абсолютизированные духовные смыслы (страсти), как выражение его духовного несовершенства, являются «топливом», энергетической базой формирования мотивации преступного поведения. Абсолютизированный смысл (страсть) обостряет степень сенсуальности (чувствительности) личности на объекты внешнего мира, связанные с данным смыслом. Человек, по принципу «подобное притягивает подобное», проявляет особое избирательное отношение к данным объектам, делая акт обладания ими самоцелью.

Итогом поляризации духовности становится состояние нецелостности личности, характеризующееся утратой внутреннего равновесия, возникновением страха и ущемлением свободы. Страх, являясь противоположностью свободы, закономерно ведет к утрате последней. Человек ощущает дискомфорт и неудовлетворенность жизнью. Психической формой этого духовного переживания являются тревожность и/или отчуждение. Страх возникает в той сфере духовной жизни, смысловое содержание которой поражено страстью. Став неотъемлемой частью личности, страсти порождают тревогу и страх потери и прочего умаления объектов страстей. «Чем больше я привязан к удовольствию, тем больше я вынужден бояться боли. Чем больше я следую добродетели, тем больше я мучим злом. Чем больше я ищу успеха, тем больше я должен страшиться провала. Чем сильнее я цепляюсь за жизнь, тем более ужасной становится смерть. Чем больше я ценю что-либо, тем мучительнее для меня его потеря» [12. С. 46-47]. Страх, как правило, локализован в отдельных сферах духовной жизни и реже охватывает всю духовность целиком. Человек может достигнуть высокого состояния свободы в определенной сфере духовной жизни, оставляя в состоянии страха другие сферы. «Человек может быть очень храбрым на войне и трусом перед собственной женой, - пишет Н.А. Бердяев, - быть героем, не боясь

смерти и испытывать страх перед мышью, или гусеницей, или заразной болезнью; быть необыкновенно храбрым в идейной борьбе и испытывать страх перед материальными затруднениями; бывают люди очень храбрые физически и очень трусливые морально, и наоборот» [6. С. 115]. В такой ситуации первостепенной задачей человека становится любыми средствами выйти из состояния нецелостности, преодолеть текущую духовную границу, «растворив» страх и расширив масштаб свободы. Эти средства зачастую носят преступный характер. Дело в том, что это стремление к свободе реализуется в рамках общего «жизненного пространства» (социуме), где действуют также иные индивиды - носители свобод. Кроме этого, текущий абсолютизированный духовный полюс из-за страха своего умаления оказывает давление на личность. В этой связи человек начинает крайне эмоционально реагировать на те внешние ситуации, которые посягают на его текущий духовный полюс, и, напротив, негативно относиться к тем внешним ситуациям, которые связаны с противоположным духовным полюсом. «Для того чтобы человек совершил преступление, он сам должен находиться в определенном психо-духовном состоянии (диспозиции) и, кроме того, необходимо, чтобы он попал в ситуацию (или создал ее), находящуюся в своеобразном «резонансе», соответствии с его диспозицией» [14. С. 33].

Приведем конкретный пример на паре «смирение - гордость», принадлежащей соответственно духовным полюсам «созидание - разрушение». Допустим, субъект находится на духовной шкале гордости. В этом состоянии он будет агрессивно реагировать на все то, что посягает на его чувство собственного «я» или достоинства (кто-то сказал грубое, кто-то приказал сделать что-то и т.п.), и, напротив, пренебрежительно относиться ко всем проявлениям полярной духовности - смирения (не уважать людей спокойных, тихих, издеваться над ними, унижать их и т.п.). Когда же степень поляризации духовности достигает своего порога, возникает конфликт и его логическое разрешение. В нашем примере субъект может напасть на лицо, которое, по его мнению, обошлось с ним грубо (защита своего духовного полюса), или же совершить преступление в отношении лица, которое ему не нравится (атака противостоящего духовного полюса). Но приведенный пример не говорит о том, что «смирение - это хорошо», а «гордость - это плохо». Источником преступного поведения может быть любая крайняя точка духовности. Другое дело, что полюс разрушения чаще всего является источником так называемой общеуголовной преступности и соответственно более распространен, нежели полюс созидания. Рассмотрим обратную ситуацию, когда субъект находится на духовной точке смирения. В этой ситуации он будет испытывать неуверенность в себе, мягкость, уныние, и как следствие для него будет характерно неумение оказать отпор людям. Если при гордости деструкция направлена вовне, то при смирении деструкция направлена вовнутрь (на самого себя). Однако когда степень смирения достигает своего высшего предела при соответствующем внешнем факторе, может произойти трансформация внутренней злокачественной агрессии во внешнюю, и как следствие - воз-

можный акт преступления. Практика знает немало случаев, когда вроде бы спокойные и уравновешенные люди совершают преступления, причем зачастую относящиеся к категориям тяжких и особо тяжких. Например, подчиненный, который длительное время покорно сносил нарекания от своего начальника, вдруг убивает его. Это обстоятельство учитывает УК, который предусматривает институт аффекта. В данном случае, несмотря на проявленную деструктивную тенденцию, опять-таки будет своеобразная защита смирения («я убил его за то, что он не давал мне покоя», т.е. не давал пребывать на полюсе смирения). Аналогично это лицо может совершить преступление на почве «атаки противостоящего духовного полюса», учинив деяние против носителя другого полюса или обобщенного института, пропагандирующего данный полюс (например, террористические акты).

Итак, мы рассмотрели основной канал формирования преступного духа через смысловую поляризацию. Однако существует обратный путь развития преступного духа через смысловой вакуум. Первой ситуации в психологии соответствует феномен тревожности, а второй - психическое явление отчуждения. Криминальная психология рассматривает тревожность и отчуждение как основные источники преступного поведения [15]. «Две противоположные причины вызывают зло в человеке, - пишет Н.А. Бердяев, - или образовавшаяся в душе пустота вызывает притяжение зла. Или страсть, ставшая *idée fixe* и вытеснившая все остальное, перерождается в зло» [6. С. 98]. Ситуация смыслового вакуума возникает в тех случаях, когда индивид отказывается от выбора ценностей в пространстве противоречивой духовности. Отсутствие этого внутреннего стержня личности ведет к возникновению невыносимой экзистенциальной тоски. Такое состояние принято называть отсутствием смысла жизни. И здесь функцию компенсации скуки может взять на себя преступление. Преступный акт входит в духовную сферу как самоценность, а сама деструкция в результате занимает место духовного смысла. В юридическом плане речь идет о тех называемых «безмотивных» преступлениях, когда мотивы субъектом преступления не осознаются, т.е. противозаконных деяниях, совершение которых является нелепым и бессмысленным. Легально такой ситуации более всего корреспондирует состав хулиганства, а также встречающаяся в некоторых составах легальная формулировка «из хулиганских побуждений», где установление мотива всегда представляет определенную сложность. Формулировка уголовного закона «явное неуважение к обществу» как раз и характеризует личность, которая точку духовной опоры поставила на деструкцию социального мира. Как отмечает Э. Эриксон, «иногда лучше идентифицировать себя с "хиппи", с "малолетним преступником", даже с "наркоманом", чем вообще не обрести своего Я» [16]. В данном случае преступный акт выполняет функцию раздражителя, позволяющего испытать волнение и возбуждение и тем самым придать жизни хоть какую-то окраску. Анализируя данный тип преступлений применительно к убийствам, Э. Фромм писал: «Очевидно, что мотивом подобных убийств является не ненависть, а невыносимое чувство тоски, беспомощность и потребность увидеть хоть какие-то нестандартные ситуации, как-то проявить себя, на кого-то произвести впечатление, убедиться, что

существуют такие деяния, которые могут прекратить монотонность повседневной жизни. Если ты убиваешь, то это дает тебе возможность почувствовать, что ты существуешь, и что ты можешь как-то оказать воздействие на другое существо» [8. С. 332]. Смысловой вакуум хоть и не является главным каналом формирования преступного поведения, но в современных условиях глобального психодуховного кризиса человечества все чаще дает о себе знать. Характер общественной опасности таких деяний намного выше, поскольку в их основу положен духовный полюс разрушения в чистом виде.

Таким образом, мы видим, что вовсе не абсолютная внешняя свобода (произвол) порождает преступления, как полагает естественно-правовая доктрина, а напротив, нереализованная и несбалансированная внутренняя свобода становится источником преступной деструкции. Деструктивность - это ни социально-приобретенное свойство личности, это ни природно-врожденное качество человека, а только результат свободного духовного выбора индивида. Такое утверждение согласуется с уголовным принципом вины, который есть не что иное как констатация того, что деяние может быть признано преступлением лишь в том случае, когда субъект действовал в состоянии свободы выбора, оперируя рациональной и волевой составляющей принятия решения.

Так что же представляет собой непреступный дух? Ранее мы установили, что причина преступления коренится в противоположностях человеческой духовности. Наш привычный способ решения всех проблем - попытаться искоренить одну из противоположностей. Но мы никогда не ставим под сомнение существование самой границы. Диалектика видит свой идеал в «синтезе», т.е. в балансе, соразмерности, уравновешенности, упорядоченности, умеренности и компромиссе противоположностей. «Синтез» - следующая диалектическая стадия, объединяющая «тезис» и «антитезис». Так возникает формализованная структура «тезис - антитезис - синтез». Именно на границе баланса противоположностей образуется духовное равновесие и гармония, а вслед за ним целостность личности. В реальной действительности нет противоположностей, все они создаются человеком. Предельная реальность есть единство противоположностей. Природа есть единый поток бытия во всем его многообразии. Можно возразить и сказать, что существуют такие противоположности, как: вверх - вниз, высокий - низкий, север - юг, левое - правое, удовольствие - страдание, жизнь - смерть, преступление - наказание и т.д. Но если вникнуть, то окажется, что это всего лишь словесные модели языка, созданные человеком, т.е. это модель реальности, но не она сама. В реальной действительности противоположности слиты и неделимы, они выступают как целостное явление, а потому не являются проблемами. Так, я не могу воспринимать движение, кроме как по отношению к покою, усилие без отдыха, сложное без простого, влечение без отвращения, удовольствие без боли, созидания без разрушения. Системный анализ аправедливо трактует проблему как негативное отношение субъекта к объекту [17]. Вне этого отношения, создающего противоположности и борьбу между ними, проблемы просто не существует.

Кен Уилбер, один из основоположников трансперсональной психологии, в своей работе «Никаких границ» приводит образную иллюстрацию слитности жизни и смерти в природе: «Старый кот не исходит потоками ужаса по

поводу своей приближающейся смерти. Он просто тихо уходит в лес, сворачивается в клубок под деревом и умирает. Смертельно больная малиновка удобно устраивается на ветке ивы и смотрит на закат. Когда, в конце концов, она больше не видит света, она в последний раз закрывает глаза и мягко падает на землю» [12. С. 41]. Непреступная духовность - это значит целостная духовность, основанная на единстве противоположностей. Что значит единая духовность? Это духовность, лишенная противоположностей, и как следствие - страстей и страхов, но не путем отказа от «тезиса» или «антитезиса» и не путем перехода «тезиса» в «антитезис», а через выход за их пределы, через растворение в едином потоке бытия. По мнению Гегеля, «дух обладает силой сохраниться и в противоречии, а, следовательно, и в страдании, возвышаясь как над злом, так и над недугом» [3. Т. 3. С. 26]. Такое состояние сознания А. Маслоу именует трансцендентной дихотомией.

Крайности духа перестанут существовать, когда «человек сможет понять, что эти на первый взгляд взаимоисключающие противоположности могут быть сведены к некому единству, более реалистичному, более истинному, более соответствующему актуальной реальности, нежели видевшаяся ему полярность» [18]. У Н.А. Бердяева данное состояние сознания возможно «по ту сторону добра и зла». «Окончательная победа над злом лежит «по ту сторону добра и зла», она означает победу не только над «злом», но и над «добротой» в нашем посюстороннем смысле» [6. С. 92-93]. Непреступная духовность предполагает иной уровень мировосприятия и мироощущения, на основе которых происходит расширение масштаба внутренней свободы личности. Условие формирования нового мировоззрения - растворение базовой, первичной границы между «я» и «не-я», организмом и средой, субъектом и объектом, внутренним и внешним. Пока в сознании личности существует первичная граница, среда снаружи остается потенциальной угрозой, поскольку она может уничтожить то, что я сейчас ощущаю подлинным собой, то, что я имею в материальном мире. Эта угроза проецирует страх и тревогу, порождая злокачественную агрессию, и как следствие - преступление. Когда же

первичная граница понята как иллюзорная, ощущение «себя» распространяется на Все. А когда Все осознается собой, вовне не остается ничего, что могло бы представлять угрозу.

Итак, мы видим, что причина преступления носит внутренний характер (укоренена в личности), а фактор совершения преступления носит внешний характер (обитает в социуме). Этот дуализм личности и социума разрешается в сфере духовности. Преступление является следствием несовершенства человеческой духовности, которая порождает деструктивность (внешнюю злокачественную агрессию). Природа преступления духовна, но его результат социален. Субъект никогда не совершит преступления, если он внутренне не готов к этому. Но с другой стороны, даже если он внутренне готов к этому, преступление не найдет выражения в реальной действительности, если не будет социального фактора, способствующего возникновению конфликта между внутренним и внешним. Следовательно, личность отражает и реагирует только на тот внешний (социальный) сигнал, которому корреспондируют ее духовные качества. В итоге данный тезис полностью соответствует общепризнанным в науке двум взаимосвязанным постулатам, с одной стороны, С.Л. Рубинштейна, согласно которому «внешние причины действуют через внутренние условия» [19], и с другой стороны, А.Н. Леонтьева о том, что «внутреннее (субъект) действует через внешнее» [20]. Другими словами, человек никогда не совершит преступления, несмотря на все неблагоприятные биологические, социальные и психические детерминанты, пока соответствующее допущение не будет сделано при регулировании духовных противоречий. А потому говорить о неизбежности совершения преступления, опираясь на биологические, социальные или психические теории, в высшей степени некорректно. Человек - это незавершенное, изменяющееся существо, которое балансирует на границах духовных полюсов. Только субъективная свобода воли и стремление к смыслу дает право выбора человеку, за последствия которого он несет всю полноту ответственности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Frankl V. Psychotherapy and existentialism: New York: Simon and Schuster, 1967. X. 246 p.
2. Тазин И.И. Теоретические предпосылки учения о криминалистической атрибуции неизвестного преступника // Актуальные вопросы формирования правовой системы России: Сборник материалов региональной научно-практической конференции. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003.
3. Гегель Ф. Энциклопедия философских наук. Философия духа / Отв. ред. Е.П. Ситковский; ред. коллегия: Б.М. Кедров и др. М., Мысль, 1977.
4. Петров Ю.В. Антропологический образ философии. Томск: Изд-во НТЛ, 1997.
5. Книгин А.Н. Философские проблемы сознания. Томск, 1999. С. 284.
6. Бердяев Н.А. О человеке, его свободе и духовности: Избранные труды / Ред.-сост. Л.И. Новикова и И.Н. Сиземская. М.: Московский психолого-социальный институт; Флинта, 1999.
7. Бердяев Н.А. Философия свободного духа. М., 1994.
8. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивностиTM. М.: Изд-во АСТ ЛТД, 1998.
9. Франк В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990. С. 63.
10. Братусь Б.С. К изучению смысловой сферы личности // Вестн. МГУ. Сер. 14. Психология. 1981. № 2. С. 46-56.
11. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М.: Смысл, 1999. С. 105.
12. Уилбер К. Никаких границ: Восточные и западные пути личностного роста / Пер. с англ. В. Данченко и А. Ригина. М.: АСТ, 2003.
13. Уголовный кодекс Российской Федерации.
14. Кондратьев Л.В. Антропология преступления (микроримнология). М.: НОРМА, 2001.
15. Антонян Ю.М. и др. Психология преступника и расследования преступлений. М.: Юристъ, 1996.
16. Эриксон Э. Детство и общество. СПб., 1996. С. 18.
17. Перегудов Ф.И., Тарасенко Ф.П. Основы системного анализа. Томск, 1997.
18. Маслоу А.Г. Дальние пределы человеческой психики. СПб: Издат. группа «Евразия», 1997. С. 285.
19. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. М., 1957.
20. Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения в 2 т. Т. 2. М., 1983. С. 200.

Статья представлена кафедрой криминалистики Юридического института Томского государственного университета, поступила в научную редакцию «Юридические науки» 15 марта 2004 г.